

СУВОРОВЪ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
1730 — 1800

АВТБИОГРАФИЯ¹

Местечко Максимени в Молдавии 1790 г. октября 28.
Ко изготовлению поведенного диплома и герба на пожалование меня в графское Российской империи достоинство, с наименованием граф Суворов-Рымникский, по востребованию от меня о употребляемом мною гербе и отличностях предков моих и собственно моих заслугах имею сообщить следующее.

В 1622 году, при жизни царя Михаила Федоровича, выехали из Швеции Наум и Сувор и по их челобитью приняты в российское подданство, именуемы «честные мужи» разделились на разные поколения и по Сувору стали называться Суворовы². Сим и других их поколений за крымские и иные походы жалованы были поместья, до государствавания императора Петра Первого. Его величество отцу моему, Василью Ивановичу, был восприемником. При сем государе он начал службу в

¹ Автобиографий Суворова две. Первая относится к 1786 г. и является прошением, поданным Суворовым в Московское дворянское депутатское собрание о внесении его в родословную книгу дворян Московской губернии. (Место хранения подлинника не установлено.) Опубликовано впервые в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских» за 1848 г. (№ 9. С. 534–552) и отдельной книгой под заглавием «Биография А. В. Суворова, им самим написанная в 1786 г».

Вторая, от 28 октября 1790 г., была представлена Суворовым в Военную коллегию вместе со сведениями о службе и чинах при возведении его в графское достоинство для передачи в Герольдмейстерскую контору. Подлинник хранится в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, а копия — в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Впервые опубликована В. Алексеевым в книге «Письма и бумаги Суворова» (СПб., 1901).

² Фамилия Суворов значительно древнее, чем указывает А. В. Суворов. В новгородских Писцовых книгах Шелонской пятины под 1498 г. записан помещик Суворов. Встречается эта фамилия и в других местах Руси, например среди тверских помещиков под 1570 г. В. Алексеев допускает возможность переселения далеких предков А. В. Суворова из Швеции, но относит это к первой четверти XIV века. Действительно, после Орешковского договора (1323) из отошедшей к Швеции части Карелии происходило массовое переселение из новгородских владений, но это были не шведы, а новгородцы, оказавшиеся на захваченной шведами земле.

должности денщика¹ и переводчика и по кончине его императрицею Екатериною Первою выпущен был лейб-гвардии от бомбардир-сержантом и вскоре пожалован прапорщиком в Преображенской полк, где он службу продолжал до капитана и потом в разных званиях, а при императрице Елисавете Петровне употреблен был бригадиром и генерал-майором по Военной коллегии, генерал-поручиком и кавалером св. Анны и св. Александра, в войне с прусским королем — в армии главным при Провиантском департаменте и губернатором Прусского королевства. Ныне в потомственные роды славно державствующею мудрою и великою императрицею произведен он был лейб-гвардии в Преображенской полк премьер-майором, лейб-гвардии в Измайловской подполковником, генерал-аншефом и сенатором и употребляем был в разных важных препорученностях, которые до моего сведения не доходили.

В службу я вступил пятнадцати лет², в 1742 году, лейб-гвардии Семеновского полку мушкетером, произведен был капралом и состоял в унтер-офицерских чинах, с исправлением разных должностей и трудных посылок³, а в 1754 году выпущен был из сержантов в полевые полки поручиком, в 1756 году произведен был обер-провиантмейстером, генерал-аудитор-лейтенантом, а потом переименован в премьер-майоры, в котором звании в 1758 году был при формировании третьих батальонов в Лифляндии и Курляндии и имел оных в своей команде семнадцать, которые препроводил в Пруссию, и был комендантом в Мемеле; в том же году пожалован подполковником, был при занятии Кроссена, в Си-

¹ Денщик в то время выполнял обязанности адъютанта.

² Здесь неточность. Согласно этим данным получается, что Суворов родился в 1727 г. В своей автобиографической короткой записке, написанной на итальянском языке (хранится в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге), Суворов пишет: «Я родился 1730 г. 13 ноября».

Кроме этого, в книге «Из прошлого» (исторические материалы л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1911. С. 154–155) есть два литографированных автографа: один — с обязательства отца Суворова, Василия Ивановича, данного им в 1742 г. в Семеновский полк, которым он принимает на себя содержание и обучение своего двенадцатилетнего сына на время его отпуска, и второй — о записи, «сказки», со слов самого Суворова от 25 октября 1742 г. в том же полку, где записаны его возраст («от роду ему 12 лет»), науки, которым он обучался, и имущественное положение отца. Оба документа подтверждают 1730 год рождения А. В. Суворова.

³ Семимесячная командировка в Дрезден и в Вену.

лезии, под командою генерала князя Михаила Никитича Волконского; отправлял должность генерального и дивизионного дежурного при генерале графе Вилиме Вилимовиче Ферморе, был на франкфуртской баталии¹ и в разных партиях; в 1761-м состоял в легком корпусе при генерале Берге и был под Бригом, при сражении бреславльском с генералом Кноблохом и разных шармицелях, на сражении близ Штригау, при Грос- и Клейн-Вандриссе, где предводил крылом в две тысячи русского войска. Четыре силезских мили противоборствовали армии под кородем прусским целой день, а к ночи сбили их форпосты и одержали² место своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападение на левое прусское крыло, против монастыря Вальдштатт; потом был в разных неважных акциях и гаармицелях.

Приближаясь к Швейдницу и окопу тамо прусского короля, атаковал в деревне N прусскую заставу с малым числом казаков и за нею, на высоте, сильной прусской пикет, которым местом по троекратном нападении овладел и держал оное несколько часов, доколе от генерала Берга прислано было два полка казачьих, которые стоящих близ подошвы высоты прусских два полка гусарских, с подкреплением двух полков драгунских, сбили с места в лагерь; отсюда весь прусской лагерь был вскрыт, и тут утверждена легкого корпуса главная квартира, соединением форпостов, вправо — к российской, влево — к австрийским армиям; происходили потом здесь непрестанные шармицели, и сверх разных примечательных единожды под королевскими шатрами разбиты были драгунские полки при моем нахождении, — Финкенштейнов и Голштейн, гусарские — Лосов и Малаховский, с великим их уроном. Когда генерал Платен пошел через Польшу к Кольбергу, легкой корпус вскоре последовал за ним; достигши оный, часто с ним сражался с фланков и при Костянах напал на его лагерь сквозь лес, сзади, ночью, причинил знатной урон [и] принудил к маршу, а я был впереди, при всем происшествии, как дни два после того почти подобное сему в день случилось. Платен, следуя против Ландсберга, взял с собою слабый, во сто конех, Туроверова казачий полк; переплыли через Нец и в той же ночи, шесть миль от Дризена, поспели к Ландсбергу, противным берегом Варты. Не-

¹ В Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 г.

² Заняли.

медля чрез ров вломились в городские ворота, и передовыми казаками супренированы и пленены две прусские команды с их офицерами; потом с помощью обывателей сожжен ландсбергской большой мост. Прибывшее противное войско на другом берегу остановилось, но, за скорым прибытием нашего легкого корпуса, переправилось потом на понтонах и держа свой путь к Кольбергу; отряжен я был от генерала Берга с казачьими полками и несколькими гусарскими для подкрепления; встретился я с противным корпусом под Фридебергом. Оной, маршируя на высоте, отозвался против меня всею своею артиллериею, под которою я разбил его фланговые эскадроны, и забрано было в полон от оных знатное число. Остановлял я Платена в марше елико возможно, доколе пришел в черту генерала князя Василья Михайловича Долгорукова, которой потом прежде его прибыл к Кольбергу; наш легкий корпус под Штаргардом остановился; по некотором времени выступил оный к Регенвальду, в которой стороне было нападение на майора Подчарли, где я предводил часть легких войск; взят сей майор с его detachmentом в полон; но, как г. Курбьер с сильным войском при нашем обратном походе спешил ударить в наш зад, где я обретался, принужден я был его передовые пять эскадронов с пушками брускировать с имеющимися у меня в виду меньше ста гусар и казаков, которыми действительно сии эскадроны опровержены были и оставили нам много пленных; успех от того был, что Курбьер ретировался. Под Наугартом, предводя одну колонну легкого корпуса, деревню N атаковал я — команды моей Тверским драгунским полком слабой драгунской полк Гольштейн, что после Поменского, баталион гренадерской Арним и два баталиона принца Фердинанда; Тверской полк, около двухсот пятидесяти человек, врубился в пехоту на неровном месте и сбил драгун; урон прусской в убитых и пленных был велик, и взята часть артиллерии; подо мною расстреляна лошадь и другая ранена. Знатная часть прусского войска выступила от Кольберга, по военным потребностям, к стороне Штетина; к нашему легкому корпусу на походе соединился генерал князь Михайло Никитич Волконской с кирасирскими полками; передовые наши отряды к стороне Регенвальда встретились с прусским авангардом; при моем хождении четыре эскадрона конных гренадер атаковали пехоту на палашах; гусары сразились с гусарами; весь сей сильный авангард под полковником Курбьером взят был в плен, и его артиллерия досталась в

наши руки; впоследствии я напал с ближним легким отрядом, в расстоянии малой мили, на прусских фуражиров, под самым их корпусом, где та-кож, сверх убитых, много взято в плен; в ночи прусский корпус стал за Гольнов, оставя в городе гарнизон. Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторою пехотою; я одним гренадерским батальоном атаковал ворота, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусской отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен; я поврежден был контузией — в ногу и в грудь — картечами; одна лошадь ранена подо мной. В поле, под взятъем Кольберга, при действиях принца Виртембергского, находился я при легком корпусе с Тверским драгунским полком. При возвратном походе оттуда прусского войска к Штетину имел я, с Тверским драгунским полком, сильное сражение с одним от одного деташементом из пехоты и конницы, под Штетинном, при деревне Визенштейн, в которой стороне прусской корпус несколько дней отдыхал; последствие сего было то, что в ту же ночь весь реченной корпус к Штетину поспешно ретировался. Осенью, в мокрое время, около Регенвальда, генерал Берг с корпусом выступил в поход; регулярная конница его просила идти окружною, гладкою дорогою; он взял при себе эскадрона три гусар и два полка казаков и закрывал корпус одаль справа; выходя из лесу, вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусской корпус, стоящий в его линиях; мы фланкировали его влево; возвратившийся офицер донес, что впереди, в большой версте, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее; погнались за нами первее прусские драгуны на палашах, за ними — гусары; достигши до переправы, приятель и неприятель, смешавшись, погрузили в ней почти по луку; нашим надлежало прежде насухо выйти; за ними вмиг — несколько прусских эскадронов, кои вмиг построились; генерал приказал их сломить. Ближний эскадрон был слабой желтой Свацеков; я его пустил; он опроверг все прусские эскадроны обратно, опять в болото; чрез оное, между тем, нашли они влево от нас суше переправу; первой их полк перешел драгунской Финкенштейнов, весьма комплектной; при ближних тут высотах было отверстие на эскадрон, против которого один Финкенштейнов стал; невозможно было время тратить; я велел ударить стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону; одного капитан Жандр бросился в отверстие на саблях; Финкенштейновы дали залп из

карабинов; ни один человек наших не упал; но Финкенштейновы пять эскадронов в мгновение были опровержены, рублены, потоптаны и перебежали чрез переправу назад. Сербской эскадрон был подкрепляем одним венгерским, которой в деле не был; Финкенштейновы были подкрепляемы, кроме конницы, баталионами десятию пехоты; вся сия пехота — прекрасное зрелище — с противной черты, на полувыстреле, дала на нас ружейные залпы; мы почти ничего не потеряли, от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников; при сих действиях находились их лучшие партизаны, и Финкенштейновым полком командовал подполковник и кавалер Реценштейн, весьма храброй и отличной офицер; потом оставили они нас в покое.

В 1762 году отправлен я был к высочайшему двору с депешами от генерала графа Петра Ивановича Панина и ее императорским величеством произведен в полковники следующим собственноручным указом: «Подполковника Александра Суворова жалуем мы в наши полковники в Астраханской пехотной полк».

В 1768 году пожалован я бригадиром при Суздальском пехотном полку и, командуя бригадою, отряжен был с оным и двумя эскадронами командующим корпусом генералом Нумерсом от стороны Смоленска в Литву, к Орше, откуда, как корпус прибыл, выступил далек, к Литовскому, где корпус со мною соединился; оттуда с реченным отрядом войск предписано мне было следовать поспешно к Варшаве, разделя сей отряд на разные части и две колонны; во время разных волнований в Литве был мой марш на Брест-Литовской, где соединясь, прибыл я к жмудскому Минску, под Варшавою пять миль, — здесь примечу, что одна колонна была в пути до ста двадцати, другая, со мною, до ста тридцати тамошних миль; но марш был кончен ровно в две недели, без умерших и больных, с подмогою обывательских подвод, — и потом прибыл на Прагу, к Варшаве; оттуда разогнал я незнатную партию, под варшавским маршалком Котлубовским. Чрезвычайный посол, князь Михайла Никитич Волконской, отправил меня в Литву, для усмирения мятежей; я взял половину реченного деташемента и прибыл к Брест-Литовскому, где я услышал, что мятежники не в дальности и что близ их обращаются разные наши начальники с достаточными деташементами. В сем пункте я оставил людей большое число, сам же взял с собою, не мешкая нимало, суздальских шестьдесят гренадеров, сто мушкетеров, более ста стрелков, при двух пушках, и тридцать шесть воронежских драгун; повстречался я

с графом Каstellи при тридцати карабинерах и толиком числе казаков и взял его с собою. Маршировавши ночь, против полден, повстречались мы с мятежниками под Ореховым; их число возвышалось близ десяти тысяч, что была неправда; я их полагал от двух до трех тысяч; начальники их были маршалки и иные, — достойной Ксавиер Пулавской, который здесь убит, брат его Казимир, пинской — Орешко, Мальчевской, Заремба, числом девять. Я их ведал быть беспечными, в худой позиции, т. е. стесненными на лугу, в лесу, под деревней; как скоро мы франшировали три тесные дефилеи, где терпели малой урон, началась атака, но продолжалась от четырех до пяти часов; деревня позади их зажжена гранатою; кратко сказать, мы их побили; они стремительно бежали, урон их был знатен; в числе пленных обретался Пинской драгунской полк с его офицерами, но очень малосильной; потом с отрядом прибыл я в Люблин, где, по важности поста, учинил мой капитал¹. Разбит был главной полковник N² близ Климонтова, в Сендомирском воеводстве, малым отрядом под моим предводительством и потерял несколько сот с пятью пушками; атаковали мы Ланцкорону, за Краковым, овладели городом, кроме замка, и разбили противного генерала N³, пришедшего на выручку. В местечке Уржендове, на Висле, супренировал я ночью войски маршалков Пулавского и Саввы; тут, при великой потере, достались нам в руки драгуны сего последнего, и он был так ранен, что, по бессилию, скоро после погиб: их самих прогнали из-под Красника. Разбит был в лесах, к стороне Владимира, полковник Новицкий и той-же ночи в деревне N⁴ вовсе разрушен. По многим действиям, так называемою Главною конфедерациею город Краков так был стеснен, что нашим тамо войскам недостаток в субсистенции наступал; я дал моим отрядам рандеву на реке Сане, отбил прежде преграду их на реке Дунайце и, по некоторых ночных и денных битвах, достиг до Кракова, откуда мятежников прогнал; в той же ночи, противу рассвету, напал неподалеку Кракова на их тыницкие⁴ укре-

¹ Главную квартиру.

² По-видимому, Мощинский.

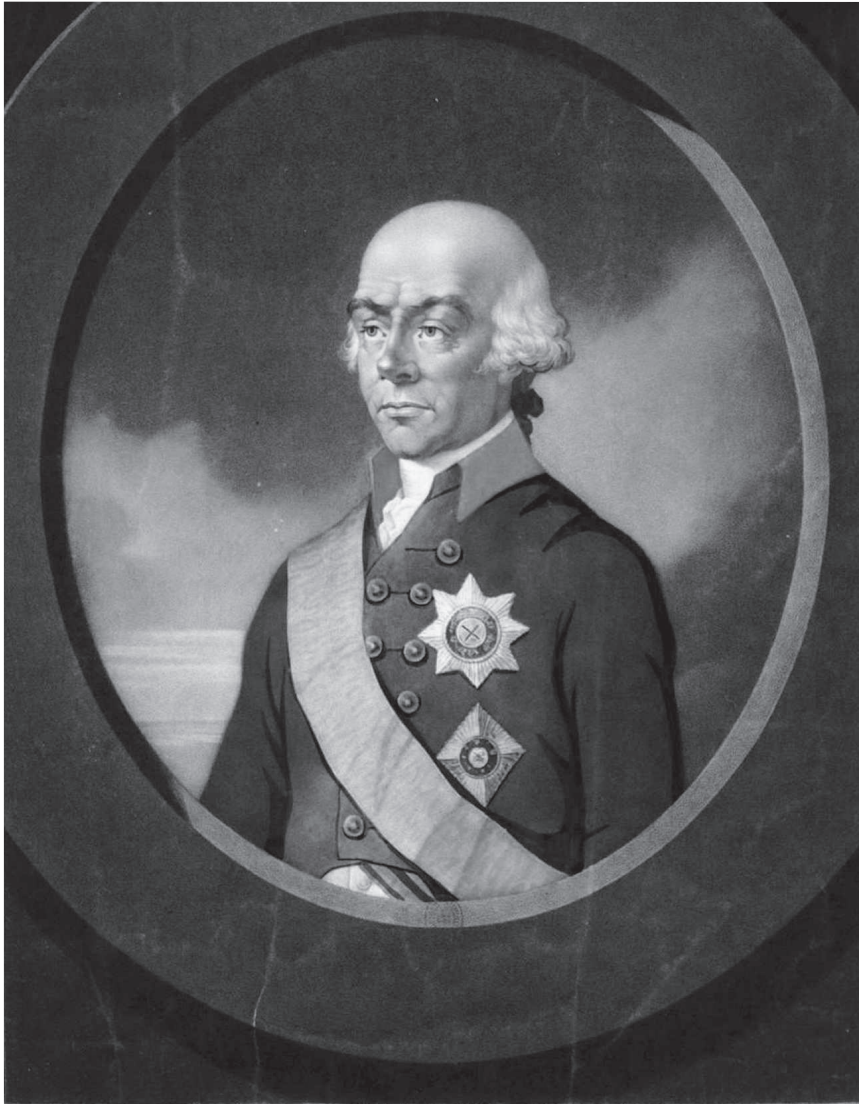
³ А. В. Суворов имел в виду французского генерала Дюмурье. Франция, руководствуясь интересами своей внешней политики, оказывала широкую помощь польским повстанцам не только средствами, вооружением, но и офицерскими кадрами.

⁴ Тынецкие.

пления, где сверх многих побитых, в том числе штыками, забрали мы много в плен их лучшей пехоты из распущенных саксонцов с немецкими офицерами и артиллерией. На другой день было славное происшествие под Ланцкороною, где собранные множественные мятежники были в конец разбиты; погибли несколько французских офицеров с пехотою, на их образ учрежденною; убито два маршалка, пинской — Орешко и князь Сапега; при многих пленных мне достались в руки маршалки: краковской — Миончинской и варшавской — Лясоцкой. Едва сие кончено, как я извещен о сильной диверсии мятежников к стороне Замостья и Люблина; надлежало мне спешно туда обратиться. Побита была прежде их достаточно собравшаяся из рассеянных часть, при реке Сане; в числе пленных были некоторые иностранные офицеры; потом мятежники сильно были разбиты, рассеяны под Замостью и из крепости деложированы. Сраженъев сих было много, но примечательных было девять, которых планы я отправил к генералу Веймарну. Французский бригадир Мезьер¹, обретавшийся при мятежниках поверенным в делах, но сей скоро отозван к своему двору, и на его место прибыл Виомениль, генерал и кавалер ордена Св. Людовика Большого креста. Возмутилась вся Литва; регулярная ее из полков немецкого штата и компутовых хоронг армия, с достаточною артиллериею и всем к войне надлежащим снабденная, собралась, как и довольно из регулярных войск, под предводительством их великого гетмана, графа Огинского, который сперва и получил некоторые авантажи. Собрал я всего войска до семисот человек и две пушки; тут были и легионные, которые прежде нечто от г. Огинского пострадали; но имел я храбрых офицеров, привыкших часто² сражаться вблизи. Шли мы чрез Брест-Литовской и прямым трактом, но поспешным маршем, сближались с армиею г. Огинского, который дневал под Столовичами; пойманы фуражировавшие уланы; принявши их ласково, сведал я от них нужное о их расположении; остерегал его генерал Беляк; но он не верил; в ту же ночь пошли мы на атаку, продолжали марш без малейшего шума, целя на его огни. Ночь была темная, и к утру пал туман; пехоту я поставил в первой линии, артиллерия в середине; вторая линия была вся из кавалерии; позади артиллерии был пе-

¹ Имеется в виду Дюмурье.

² В изд. Алексеева 1916 г. — частно.

From an Original Drawing, made at Milan, by Louis Piro, of the Regiment of Kerswick Dragoons in May 1799

FIELD MARSHAL COUNT SOUVOROFF RIMNISKOI,
Commander in Chief of the Russian and Austrian Armies in Italy, Knight of the Imperial Order of St. Andrew
and of the Military Order of St. George, &c. &c. &c.

Engraved, Published & Sold by T. Green, Mezzotint Engraver to His Majesty at No. 7, New Road, opposite Pall Mall Square, London June 6, 1799. — Sold also by R. Green at No. 4, Berners Street, Oxford Street, London.

Генерал-фельдмаршал Суворов-Рымникский.

ГРАВЮРА В. ГРЕЕНА ПО РИСУНКАМ ЛУ. ПИРЕЦА

1799

хотной резерв, позади второй был особой резерв, из пехоты, и конницы; казаки были рассеяны с крыл и сзади; нападение наше на литовцов было с спины; мы к ним приблизились нечто до рассвета, так тихо, что де-ташированные с г. Паткулем порубили несколько их часовых и, по дан-ному сигналу, встречены были от них из местечка сильною стрельбою, ружейною и из артиллерии. Перед нами было болото и чрез оное — пло-тина, по которой майор Киселев с суздальскими гренадерами пошел на штыках, пробил и дал место нашей коннице, которой предводитель подполковник Рылеев все встречающееся в местечке порубил и потоп-тал. Между тем майор Киселев пошел прямо на квартиру г. Огинского; его подкрепила часть пехоты; прочая под майором Фергиным с Нарв-скими гренадерами, капитанами Шлисселем [и] Ганнибалом, управясь с засевшею в местечке противною пехотою, с ним соединилась; вся пехота и резервы выстроились и пошли атаковать линии г. Огинского в поле, с которыми наша конница уже в дело вступила; литовское войско оборо-нялось храбро: легионные, гренадеры себя весьма отличили, и когда до-шло до штыков, то от рот мушкетерских г. Маслов с легионною первой ударил. Победа уже была в наших руках, как стоявший в полмили от ме-ста баталии генерал Беяк, правда, поопоздавши, с двумя сильными полками лучших уланов, своим и Карицкого, отрезал и окружил наших три эскадрона; те не один раз сквозь них прорубались, чем и кончено сражение. Вся артиллерия, обозы, канцелярия и клейноды великого гет-мана достались нам в руки, то ж все драгунские лошади с убором; ком-путовые с уланами знатною частью спаслись; плен наш наше число пре-восходил; от драгунских и пехотных полков почти все, кроме убитых штаб- и обер-офицеров, были в нашем плену; из наших офицеров стар-шие почти все были переранены; из нижних чинов убито было мало, но переранено около осьмой доли. Сражение продолжалось от трех до че-тырех часов, и вся Литва успокоилась; вся ж сия литовская армия со-стояла не более тогда в собрании, как до трех тысяч человек, кроме улан и нескольких иррегулярных. После сего последовало происшествие кра-ковское. Я обращался в Литве; французские офицеры вошли в замок но-чью чрез скважину в стене, где истекали нечистоты при мятежничьих войсках, сею сурпризою пленили тамошний гарнизон и ввели туда от стороны Тынца более тысячи человек особо лучшей, из распущенных саксонцов и уволенных австрийцев, при немецких офицерах, пехоты; от

нашего стоящего в городе войска были разные тщетные покушения; чрез несколько дней я прибыл туда с отрядом, как, от своей стороны, польские королевские генералы — граф Браницкой и Грабовской; самой тот почти час учинили мятежники, на рассвете, из замка генеральную вылазку для овладения городом; конница их ударила прямо на гауптвахт, но была расстреляна и отрезана; пехота шла великою густотою, но скоро картечами обращена назад; наши, по диспозиции до меня и малочислю на месте, за нею не погнались. Тотчас мы облегли замок, — королевских войск квартира основалась за Вислою, — учредили коммуникации мостами и шанцами, по обеим сторонам Вислы заняли посты в приличных местах пехотою, на которые от противников чинены были разные вылазки, особливо в полночь и полдни, всегда с их уроном; нашей всей пехоты было до семисот человек, мы ж почти сами в городе от разных detachmentов мятежничьих блокированы, и, хотя я больше пяти тысяч человек по разным местам в дирекции имел, но их невозможно было опорожнить, кроме Сен-домирского воеводства. Г. майор Нагель покупал и провозил скрытыми маршами с его отрядом военную аммуницию, из Шлезского Козеля. Майор Михельсон более всех, по его искусству, отряжаем был противу мятежников в поле, и от успехов его получил себе великую славу. Мятежники в замке имели много провизанта; недоставало им других съестных припасов, чего ради употребляли себе в пищу своих лошадей. Оказавшаяся литовская, давно по Польше странствующая, маршалка Коссаковского партия разбита была мною при Смерзонце, между Кракова и Тынца, и потоплена в Висле; от всех стран замок был стеснен; но один генеральной штурм нам не удался, хотя уже одни ворота одержаны были, в чем мятежничей урон наш превосходил и отчего потом у них скоро оказался недостаток в порохе и кремнях. Артиллерия наша была незнатна, но искусством г. Такса в разных местах испортила коммуникации, часто в замке зажигала, и бреш в стене на шесть рядов был готов; две мины с обеих сторон Вислы, одна королевского офицера Н, другая — инженер-капитана Потапова, приходили галереями к концу пунктов, и уже ни один человек из замку прокрасться не мог, как вышел ко мне из замка ночью бригадир Галиберт и, по многим переговорам, капитулировал. Можно отдать честь французам, что они в замке королевских гробниц, ниже что из драгоценных клейнодов нимало не повредили, но свято польским чиновни-

кам возвратили; гарнизон объявлен был пленным, — но титла «военнопленного» не акордовано, сколько о том меня французские начальники ни просили, — вышел в восьмистах человеках здоровых, прочие — больные или погибли; пехоты его оставалось еще больше нашей, чего ради положили ружье дежурному при мне майору князю Сонцову; в замке при нем штаб- и обер-офицеров разных наук было около пятидесяти человек; французские были: бригадиры и святого Людовика кавалеры — Шуази и Галиберт, капитаны: Виомениль, племянник генеральской, которой первой в замок вошел, Салиньяк и других два, кавалеры военного ордена; из них были в походах в Индиях и действиях в Корсике еще некоторые французские обер- и унтер-офицеры. Всем сим господам я подарил их шпаги, как мне бригадир Шуази свою вручал, и, по трактате, в ту же ночь, при возможных выгодах и учтивстве отправлены реченные господа с прочими и гарнизоном, при эскорте, на Люблин, оттуда ж нижние чины — в Россию, офицеры, прибывшие с генералом Виоменилем, — в Львов; что прежде прибыли с бригадиром Мезьером, — в литовскую крепость Бялу, польские — в Смоленск. Далее я о моих политических операциях к Тынцу, Ланцкороне и иные места не описываю, как о стоящих паки нового пространства. Г. Виомениль распрощался со мною учтивым благодарным письмом и отбыл во Францию с человеками тремя оставшихся своих офицеров и уволенным от меня Н. знатного отца, который вверен был мне от г. Шуази из замка, для излечения его смертных ран, от которых получил свободу. Начиная от Радзивильцов, большая часть мятежничьих партиев мне — вооруженные — сдались и распущены; потом и кончились все польские возмущения.

Пожалован я в 1770-м генерал-майором и в 1774-м году генерал-поручиком, в 1772-м генерал Эльмпт и я, по переименовавшемуся правлению в Швеции, обращены с полками из Польши к Финляндии. По прибытии моем в Санкт-Петербург определен был я временно к тамошней дивизии, осматривал российский с Швециею рубеж, с примечанием политических обстоятельств, и имел иные препоручения.

Как обстоятельства с Швециею переменялись, отправлен был я в первую армию, где от генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева помещен был в стоящий в Валахии корпус. Командующий оным генерал граф Иван Петрович Салтыков поручил мне отряд войск на реке Аржише, против черты Туртукая, куда прибыв, нашел я